

В тот же вечер, по словам одного осведомленного источника, Император, переодевшись в простое платье, нанес визит в резиденцию премьер-министра Суна, который в последнее время громче всех выступал против него. Говорят, Император выглядел совершенно измученным, лицо его было осунувшимся, а вид — жалким. Впервые в жизни этот обычно высокомерный и властный правитель назвал премьер-министра старшим наставником и покался в своих тяжких ошибках, пообещав больше не проявлять своеволия и не настаивать на отношениях с Юэ Инъяном. Он сослался на то, что Юэ Инъян внес слишком большой вклад в процветание страны, а их прошлые чувства — лишь досадное недоразумение, поэтому он решил отправить генерала в далекий гарнизон, чтобы не доводить дело до открытого разрыва и не позорить достоинство двора.

Это была первая в истории уступка Императора своим подданным! Новость мгновенно разлетелась среди чиновников как «секрет Полишинеля», и старый премьер-министр, рыдая от счастья, совершенно забыл о необходимости проверить, на месте ли тигриная печать, которую он считал надежно спрятанной в глубине своего поместья.

На следующее утро все сановники явились на аудиенцию необычайно рано. Они столпились в портике перед залом, пребывая в приподнятом настроении. Если Император готов покаяться, то о чем ранее говорил Пинсянь-ван — о вынужденном низложении монарха — можно было забыть. Пусть Император и был переменчив в настроениях, но за годы его правления страна не знала ни засух, ни наводнений, и никто не желал разрушать установившийся порядок.

Единственным, кто пришел в ярость от такого поворота событий, был Пинсянь-ван. Его планы рушились, но он не собирался сдаваться. В его руках оставалась карта обороны Вэйчэна и почти сто тридцать тысяч воинов, собранных из различных уделов и подкупленных частей, которые уже скрытно окружили столицу. Стоило им поднять знамя борьбы за чистоту рядов окружения монарха и искоренения негодяев, как он в одночасье покончил бы с этими приспособленцами-чиновниками и этим щенком Сыту Гунхуном!

Однако во время утренней аудиенции Сыту Гунхун внезапно объявил, что ночью получил тревожное известие с границы: несколько кочевых племен, с которыми прежде царил мир, начали совершать набеги, бросая вызов величию Великой Святой Династии. Император и премьер-министр Сун совещались всю ночь и решили отправить Великого генерала, утверждающего величие, Юэ Инъяна с армией в двести пятьдесят тысяч человек, чтобы преподать варварам урок и показать, что границы Великой Святой Династии неприкосновенны!

Юэ Инъян, дожидавшийся снаружи, тут же вошел в зал, провозгласил здравицу Императору, принял от Сыту Гунхуна обе части тигриной печати и поклялся, что не вернется, пока не изгонит невежественных дикарей за пределы заставы. Верность подданного и милость монарха — это был образцовый пример для всего двора. После формальностей Юэ Инъян, заполучив обе части печати, немедленно отправился в военное ведомство для сбора войск.

Сыту Гунхун, не давая никому опомниться, объявил об окончании аудиенции, сослался на недомогание и, отказавшись от дальнейших обсуждений, скрылся в своих покоях.

Премьер-министр Сун оказался окружен коллегами. Он хотел было сказать, что сам ничего не знал об этом походе, но тут же вспомнил вчерашние слова Императора о намерении отослать Юэ Инъяна. Он подумал, что это, возможно, идеальный шанс, но не смог объяснить загадку с печатью: как она, лежа в глубине его поместья, вдруг оказалась у Императора? Премьер-министр, служивший уже при двух императорах, знал, что оправдания лишь ухудшают положение, поэтому поспешил отдалиться от толпы.

Этот инцидент заставил Пинсянь-вана насторожиться. Двадцать пять тысяч воинов — это не шутки! Если бы нужно было просто отослать генерала, не потребовалось бы столько сил. Он немедленно отменил все запланированные действия и затаился. Лишь когда его лазутчики подтвердили, что кочевники действительно совершили набег, а армия Юэ Инъяна в полном составе двинулась к фронту, он наконец выдохнул. Он решил, что само небо помогает ему: отсутствие Юэ Инъяна с огромным войском значительно облегчало задачу. Он планировал захватить власть, а когда Юэ Инъян вернется, его армия сама попадет в капкан, и он, Пинсянь-ван, с легкостью приберет её к рукам.

Вместе с другими удельными князьями и горсткой подкупленных чиновников он назначил день выступления — пятое число девятого месяца, день осеннего жертвоприношения, когда Император вместе со всеми сановниками отправится в родовую кумирню.

Юэ Инъян, конечно же, не собирался уходить далеко. С огромным трудом полученное войско под его предводительством совершило широкий круг и, минуя все дозоры, вернулось в скрытый горный район Улин недалеко от Вэйчэна. Это место, где некогда проходило весеннее жертвоприношение, Сыту Гунхун и Юэ Инъян единодушно посчитали лучшим укрытием для армии. Отсюда до Вэйчэна на быстрых конях можно было доскакать за полдня, так что опоздать они не могли.

Связь между ними поддерживалась благодаря восемнадцати железным стражам, которых Старый генерал Юэ одолжил сыну перед походом. Эти люди были не только преданы ему, но и являлись тайной гвардией Старого генерала — их никто не знал в лицо, поэтому они могли беспрепятственно проникать во дворец и передавать послания Сыту Гунхуну.

Все ждали дня осеннего жертвоприношения.

Сыту Гунхун мерил шагами зал Чаоян. Его парадное облачение было полностью готово, оставалось лишь дожждаться сигнала от церемониймейстера, чтобы отправиться к родовой кумирне к востоку от Вэйчэна.

Во время ритуала внутрь храма могли входить только члены императорской семьи, остальные сановники дожидались на площади. Если бы Сыту Гунхун явился туда, ничего не подозревая, его воины снаружи могли быть перебиты, а сам он — захвачен Пинсянь-ваном, который прибыл из своего удела. Тогда исход был бы предрешен. От одной мысли об этом его бросало в холодный пот.

Сыту Гунхун вспомнил, как в последний момент чуть было не передумал отпускать Юэ Инъяна.

Сейчас его единственным желанием было больше никогда не расставаться с ним. Но он понимал: самое опасное место — рядом с ним. Юэ Инъян в безопасности только в рядах своей Армии Орла. Только там он мог защитить себя, будучи первым генералом Святой Династии, которого Пинсянь-ван жаждал уничтожить в первую очередь. Поэтому Сыту Гунхун изменил первоначальный план и вместо пятнадцати тысяч отправил двадцать пять тысяч отборных воинов.

Уходя, Юэ Инъян лишь беззвучно прошептал губами: Береги себя.

— Ваше Величество, — раздался тихий стук в дверь и голос верного евнуха Ли Цюаньшуня. — Час настал, извольте выезжать.

В его голосе слышалась дрожь — он был единственным, кто знал, какая смертельная опасность поджидает их сегодня.

— Пойдем. — Сыту Гунхун распахнул двери. Когда он вышел, лицо его было спокойным, словно все тревоги улетучились вместе с развевающимся плащом.

— Докладываю генералу: первый отряд прибыл в назначенное место, жду приказаний.

— Докладываю генералу: второй отряд прибыл в назначенное место, жду приказаний.

— Докладываю генералу: третий отряд...

Вестники на быстрых конях прибывали один за другим в главный штаб Юэ Инъяна, докладывая об успешном выполнении приказов.

Лю Иньчжэнь, выполнявший роль военного советника, отсылал гонцов отдыхать и поглядывал на непроницаемого генерала. Никто, кроме них, не знал, зачем главнокомандующий совершил такой маневр и вернулся к Вэйчэну, чтобы отдать приказ об атаке.

— Передай: как только над восточной частью Вэйчэна взлетит сигнальный огонь, все отряды атакуют одновременно. Пленных не брать, капитуляцию не принимать, уничтожить врага полностью! За неподчинение — военный трибунал! Ступай. — Юэ Инъян взглянул на небо и отдал приказ. Лю Иньчжэнь вздохнул и кивнул опешившему подчиненному, который, опомнившись, поспешил исполнить волю генерала.

Все понимали, что этот приказ идет вразрез с привычной тактикой Армии Орла. Никаких пленных, никакой пощады... В прошлых кампаниях такого не бывало. Если враг поймет, что отступать некуда, он будет сражаться с удвоенной яростью, что могло стоить жизни многим своим воинам. Поэтому без крайней необходимости или глубокой личной вражды полководцы никогда не отдавали таких приказов.

— Иньчжэнь, ты считаешь меня жестоким? — Юэ Инъян сидел в кресле главнокомандующего,

потирая переносицу. — Но я обязан это сделать. Я должен помочь Его Величеству утвердить авторитет! Предупредить тех, кто еще питает иллюзии, заставить их увидеть реальное положение дел и понять, кто здесь настоящий правитель! Ступай, проверь Му Цзунбао, чтобы он по глупости ничего не испортил, а когда придет время — возвращайся.

Лю Иньчжэнь промолчал, понимая, что Юэ Инъян говорит сам с собой. Он выпрямился, отдал воинское приветствие и вышел из шатра. Поручив охране не беспокоить генерала, он вскочил в седло и помчался в сторону Вэйчэна.

Сыту Гунхун стоял на коленях перед табличками предков, его лицо было исполнено подобающей императору суровости. Он знал, что если Пинсянь-ван начнет мятеж, то не во время самой церемонии, так как ему нужно было выиграть время для расправы снаружи. Пока ритуал не закончится и они не повернутся, чтобы выйти, они были в безопасности. Мятежники наверняка ударят тогда, когда все расслабятся, решив, что церемония прошла успешно.

Он не знал, когда придет подкрепление Юэ Инъяна — на поле боя всё непредсказуемо. Его задачей было как можно дольше тянуть время, не давая Пинсянь-вану понять, что снаружи что-то изменилось, и защитить сановников внутри храма. Будущее правление и мир в стране зависели от этих людей.

Однако ситуация оказалась куда хуже, чем он ожидал!

Когда он собрался обернуться, его пронзило острое ощущение убийственного намерения, а боковым зрением он успел заметить занесенный над головой длинный меч!

Пинсянь-ван не собирался даже разговаривать — он хотел просто зарубить его, поставить всех перед фактом, напугать остальных чиновников и подчинить их своей воле.

Сыту Гунхун резко развернулся, уклонившись от трех ударов сразу. Вместо того чтобы отступить в пустую, на первый взгляд, часть зала, он рванулся в сторону Пинсянь-вана!

Этот маневр стал полной неожиданностью для всех. Пинсянь-ван, чей замысел с засадой провалился, едва не лишился чувств от злости. Впрочем, он быстро среагировал и, неуклюже перекатившись по полу, выбрался из зоны атаки.

По знаку Пинсянь-вана из-за алтаря хлынули воины, окружив перепуганных членов императорской семьи и Сыту Гунхуна, который уже схлестнулся с тремя нападавшими.

— Сыту Гунхун! Ты — правитель Великой Святой Династии, но ты порочен и безумен, ты нарушил все человеческие законы и навлек на себя гнев богов! Чтобы народ не страдал от твоих тираний, я, Сыту Гунъи, вершу правосудие во имя Небес, дабы вернуть стране чистоту! — Пинсянь-ван громко выкрикивал свои обвинения, стараясь придать своим словам веса.

— Наглый мятежник! Ты поднял руку на Императора и взял в заложники сановников — что ты ответишь за это? Кто позволил тебе орать в священной обители предков?! — парировал Сыту Гунхун, отражая удары. Он отвлекся на секунду, и острый клинок полоснул его по плечу, к счастью, лишь слегка задев кожу.

Принцы наконец осознали, что Пинсянь-ван поднял мятеж, но было уже поздно. Чиновников и военачальников связали, как тюки с рисом, и бросили в углу под охраной. Высокомерные аристократы были в бешенстве, многие из тех, кого Пинсянь-ван подкупил, теперь кусали локти, сожалея, что не доложили Императору о заговоре раньше.

Троих нападавших заменили новыми, и теперь против Сыту Гунхуна выступало восемь человек. Пинсянь-ван явно не собирался уходить, не добившись смерти Императора! К счастью, большинство его людей были заняты сражением с гвардией снаружи, иначе вместо восьми человек их было бы триста, и Сыту Гунхун давно превратился бы в подушечку для иголок.

— Чего вы ждете?! Покончите с этим тираном! — Пинсянь-ван был в ярости. Он не ожидал, что боевые навыки Сыту Гунхуна окажутся столь высоки: против восьми отборных убийц тот держался уже так долго!

Вдруг раздался грохот, крыша над головой разлетелась в щепки, и сверху камнем рухнула фигура!

Пинсянь-ван в ужасе отшатнулся, но было поздно: незнакомец уже оказался у него за спиной, и к его горлу приставили острое стальное лезвие.

— Всем бросить оружие!

Все взгляды устремились к Пинсянь-вану. Тот, кто приставил нож к его шее, был никто иной, как Юэ Инъян!

— Генерал Юэ! — вскрикнули некоторые сановники.

— Инъян... — прошептал окровавленный Сыту Гунхун, не веря своим глазам. Он смотрел на Юэ Инъяна, явившегося с небес, словно божественный воин.

Он держался из последних сил, надеясь только на то, что скоро придет помощь. Он представлял, как Юэ Инъян ворвется через главные ворота, но не ожидал, что тот в одиночку проломит крышу и мгновенно нейтрализует главаря.

— Прикажи своим людям бросить оружие и встать вдоль стены! — Юэ Инъян бросил сложный взгляд на измученного Сыту Гунхуна, а затем снова превратился в непобедимого полководца. Он знал, как обращаться с такими ситуациями.

— Юэ Инъян, не твори глупостей! Снаружи мои сто тысяч воинов, тебе отсюда не уйти! Отпусти меня, и я гарантирую, что ты выйдешь живым! — Пинсянь-ван, видя, что Юэ Инъян один, решил, что тот самовольно покинул фронт, и попытался договориться. Он ведь будущий Император, его жизнь бесценна! Разумеется, его обещание отпустить Юэ Инъяна было ложью: как только угроза исчезнет, он прикажет догнать его...

— Я и так уйду живым, благодарю за беспокойство. Но если ты прикажешь своим людям сложить оружие, я гарантирую, что вы не лишитесь голов! — Юэ Инъян нажал на клинок, и на шее Пинсянь-вана проступила кровь. Тот побледнел. Он понял, что если потерпит неудачу сейчас, то живым из храма не выйдет.

Оглядевшись, Пинсянь-ван заметил, что один из его охранников, который прежде сражался с Сыту Гунхун, стоит без движения позади Императора. Сыту Гунхун, глядя на Юэ Инъяна, не замечал этого воина. Пинсянь-ван сделал едва заметный знак, и Юэ Инъян, хотя и не видел его, заметил оскал солдата и поднятый меч.

— Гунхун!

Юэ Инъян метнул нож, который держал у горла Пинсянь-вана, в сторону нападающего!

Именно этого и добивался Пинсянь-ван. В рывке он вырвался из захвата, оказался перед Юэ Инъяном и вцепился тому в горло. Без оружия Юэ Инъян был для него не страшен! А Пинсянь-ван с детства обладал огромной силой — в двенадцать лет валил тигров, поэтому не сомневался, что задушит генерала голыми руками.

Нож Юэ Инъяна вонзился в лоб нападавшего солдата, пробив череп насквозь. Сыту Гунхун, видя смертельную опасность, рванулся вперед, не обращая внимания ни на что, преодолевая десять шагов, что отделяли их.

— Инъян!

Но тут Пинсянь-ван рухнул на глазах у всех. На его искаженном лице застыло выражение ярости и раскаяния. Сыту Гунхун остановился. Охранники Пинсянь-вана тоже замерли. Все смотрели на труп мятежника: из раны на груди медленно растекалось кровавое пятно, доходя до ног Юэ Инъяна.

— Я обещал тебе сохранить тело в целости... В следующей жизни помни: ни один хороший солдат не идет в бой только с одним видом оружия. — Юэ Инъян вытащил из груди Пинсянь-вана восьмидюймовый кинжал и резким движением метнул его в закрытые двери храма. — Остальным бросить оружие и сдаться, иначе — казнь и истребление девяти поколений!

Первый солдат бросил оружие, за ним — остальные... Все сдались!

Когда Му Цзунбао и Лю Иньчжэнь, покончив с остатками мятежников, ворвались в храм с главными силами, они обнаружили, что их полководец, который должен был отдыхать в штабе, уже полностью контролирует ситуацию. Больше всего их поразило взгляд аристократов: они смотрели на Юэ Инъяна со священным трепетом, словно увидели не человека, а духа. Возможно, их напугала та решимость, с которой Юэ Инъян приказал казнить всех пленных без исключения.

Все спасенные чиновники собрались на площади, охрану взял на себя отряд Армии Орла. Юэ Инъян стоял на ступенях рядом с Сыту Гунхуном. Оба они привели себя в порядок, их одежды развевались на ветру, и они выглядели как небожители.

Большинство тех, кто выступал против их союза, теперь, будучи спасенными, не могли вымолвить ни слова против своего спасителя. Тишина затянулась на время, достаточное, чтобы воскурить благовония.

— Вы против того, чтобы я взял в зятя Великого генерала Юэ Инъяна? Вы считаете, что все мои заслуги на троне перечеркиваются этим браком? Вы были настолько недовольны, что решились на мятеж?! А теперь, когда вас связали, вы испугались?

Чего же вы испугались?

<http://bllate.org/book/21138/2144070>